

Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт. 2019» - Малая проза

Номинация «Малая проза» 2019

[Козлова Светлана Александровна \(Милена Миллинткевич\)](#) (персональный номер участника - 41)

[Галицкая Майя Александровна](#) (165)

[Халдина Елена Вадимовна](#) (67)

[Мазоха Виктор Владимирович](#) (198)

[Восканян Альберт Завенович](#) (93)

[Талызин Николай Юрьевич](#) (52)

1 место и звание лауреата – **Козлова Светлана Александровна (Милена Миллинткевич)** – родилась в Краснодаре.

В 1991 году окончила педагогическое училище. Последние пять лет ограничена в движении. Возможность заниматься литературным творчеством частично заменяет полноценную жизнь здорового человека. Творческие предпочтения - философская лирика, любовный роман, психологическая драма. Черпает вдохновение в редких прогулках по аллеям парков, скверов и бульваров «Маленького Парижа».

Старый скрипач

Третий день город поливало дождем, по-осеннему холодным. Сентябрьское небо надолго заволокло свинцовыми тучами. Где-то совсем близко грохотало и сверкало. По центральной улице, прижимая к себе драгоценную ношу, шел старик. Сгорбившись, словно от ударов плетью, он тяжело переставлял ноги. Серыми струями вода стекала по старенькому плащу. Ветер трепал мокрые седые волосы. Но руки крепко прижимали к себе потертый футляр, сокровище – скрипку. Он брел по улице, опустив голову и плакал. Капли дождя, гонимые ветром, ударялись в лицо, и редкие прохожие не замечали этих слез. А они были. Горькие. Безутешные. Слезы обиды. Слезы безнадежности.

Старик ходил в ломбард. Он хотел сдать единственную ценную вещь, что у него осталась – скрипку своей бабушки, доставшуюся ей от деда в наследство. Как говорили, изготовлена она была итальянскими мастерами, наследниками секретов Гварнери. Так это было или нет, но внутри инструмента имелась табличка с надписью на итальянском. Старику очень нужны были деньги. Вчера принесли пенсию, а когда вечером он собрался в магазин за продуктами, не нашел кошелька. Всё обыскал, везде посмотрел, ящики открыл, в карманы залез – нет нигде. А месяц жить как-то надо. До утра проплакал старик о своей пропаже. И куда задевал, старая голова? А на утро понес бабушкино наследство в ломбард.

– Полторы тыщи дам. – Разглядывая инструмент, и не поднимая головы, произнес кареглазый парень с непривычными для мужчины тонкими чертами лица.

– ДолАров или евров? – Поинтересовался старик.

– Каких долларов, дед? Каких евро? Рублей. – Парень поднял на старика глаза и презрительно хмыкнул. – Скрипка у тебя с царапинами. Старье, одним словом.

– То-то и оно. Ей цены нет. – Старик, было, хотел рассказать парню историю инструмента, но нагловатый юнец грубо перебил.

– Для тебя, дед, она может и бесценная, а для меня рухлядь. Хлам. Две тыщи, максимум.

Глаза парня блестели. Воображение уже в ярких красках рисовало выгодную сделку.

– Нет! – Вырвал инструмент из рук пронырливого дельца старик. – За такую цену не отдам.

– Ну, как знаешь, дед.– Недовольно фыркнув, парень отошел к кассе, нарочито изображая отсутствие интереса к посетителю, но искоса поглядывая на старика – вдруг передумает.

Но тот лишь бережно уложил скрипку в футляр и побрел к выходу.

Мысленно пересчитав барыши сорвавшейся сделки, парень прокричал вслед:

– В следующий раз придешь – больше тыщи не дам.

– Не приду. – Пробурчал себе под нос старик и, кутаясь в плащ, шагнул за дверь под плачущее осеннее небо.

Ушел, не обернувшись, глотая горькую обиду. Да и что сказать этому наглому юнцу, привыкшему все и вся мерить на вес звонкой монеты? И как бы не нуждался старик в деньгах, отдать такую вещь за бесценок он не смог. Вот и брел теперь пешком под дождем по унылой улице. Надо как-то добраться домой. Да денег в кармане только на батон хлеба и пакет молока.

Впереди показалась автобусная остановка. Людей-то, людей... Зябко старику, промок до нитки. Подошел к остановке. Оглядел ждущих транспорт. Низенький, толстый очкарик в шляпе, кутался в помятую куртку и прижимал к себе портфель. Высоченный бородатый мужик одетый не по погоде в кожаные штаны и такую же жилетку, с руками покрытыми татуировками, вертел в руках брошюру мастерской, что за углом. Видать сдал стального коня в ремонт и теперь вынужден пересесть на городской транспорт со всеми его неудобствами. Тощая старушка с короткой стрижкой и маленьким пекинесом на руках с укором поглядывала на рыжую молодую мамашу с ярко напимаженными губами, которая о чем-то тихо разговаривала с таким же рыжим, как она, мальчишкой лет восьми. Стайка девчушек-подростков в наушниках, два мужика-работяги, да тетка-торговка с тележкой на колесиках ютились под навесом, прячась от дождя и ветра. Протиснулся старик под крышу. Хотел было присесть, да хулиганы лавочку поломали. А на той доске, что осталась гордо восседала дама с собачкой.

– Дедушка, а что у Вас там? – поинтересовался мальчик, с любопытством разглядывая дедово сокровище.

– Скрипка. – Хрипло ответил старик.

– А Вы играть на ней умеете?

– Немножко.

– А мне сыграете?

Мать дернула сына за руку.

– Ну, чего ты пристал к дедушке?

А мальчишка, словно не слышал ничего вокруг, с интересом разглядывал деда и футляр с сокровищем. Старик взглянул на мальчика, и легкая улыбка тронула сухие губы. Что он увидел в этих детских глазах? Себя ли в детские годы? Будущего скрипача в этом маленьком любопытном пареньке? Кто знает?

– Подержишь? – Отрывая от груди сокровище, подмигнул мальчишке старик.

Тот кивнул и с готовностью подставил руки. Аккуратно, словно бесценный ларец, положил скрипач на руки мальчика потертый кожаный футляр. Достав инструмент, еще раз посмотрел на случайных зрителей. Все взоры были устремлены на него. Вздохнув, старик тронул струны смычком.

Никогда еще до этого момента скрипка в его руках так не рыдала. Ни перед боем в окопе под Вязьмой, ни у стен Варшавы, где застала его Победа. Даже на могиле, которую ему, вернувшемуся с фронта девятнадцатилетнему солдату, показали соседи. Вся семья – родители, малолетние братья и сестры, любимая бабушка – все вместе, как жили, так и полегли от разорвавшегося снаряда, попавшего в дом. Под осенним дождем скрипка плакала, стонала, всхлипывая, надрывно завывала в унисон с ветром, кричала и сокрушаясь. Потом на мгновение замолкала и вновь принималась жалобно поскуливать и рыдать, то затихая, то обрушиваясь со стенаниями на своих невольных слушателей. И столько в этой музыке было боли, душевных переживаний, тоски, что зрители, волей судьбы ставшие свидетелями происходящего, застыли, не решаясь пошевелиться, и прервать полный проникновенных чувств и эмоций концерт.

Из-за поворота показался автобус. Стоявший в углу верзила достал из кармана кожаных штанов тысячную купюру и, смахнув скупую слезу, сунул деньги скрипачу в карман плаща.

– Возьми, старый. Давно меня никто плакать не заставлял.

Мужчина с портфелем полез в карман и, выудив оттуда скомканную пятисотку, молча сунул деду в руки. Работяги, сопя и пряча глаза, полные слез, опустили в футляр по новенькой пятисотрублевке.

– Спасибо, отец. Хорошо играешь.

Остальные зрители тоже не смогли остаться в стороне. Они молча подходили к старику и кто пятьдесят, кто сто рублей, опускали в футляр. Каждому было о чем вспомнить. Каждого музыка заставила о чем-то грустить, затронула самые глубокие потаенные уголки души. Глаза старика стали мокрыми от слез. Он что-то хотел сказать, но молодая женщина бережно взяв футляр из рук сына и положив на освободившуюся лавочку, дрожащим голосом произнесла:

– Такую музыку не всегда на концертах услышать можно. А тут, на улице, под дождем. За душу взяло, дедушка, за живое задело.

Она положила деньги, открывшему было рот старику в руки, и выскочила под дождь, увлекая за собой сынишку и стараясь поскорее заскочить на подножку автобуса.

– Дед, а тебе куда ехать-то? – Из окошка такси, все это время стоявшего у остановки, высунулся молодой парень.

– Да, в "Садовод" мне, далеко. Я маршрутку подожду. Скоро уже. – Утирая слезы, на опустевшей остановке, пробормотал старик.

Парень вышел из машины и, пряча лицо от дождя и ветра в ворот пиджака, заскочил под крышу.

– Давай, дед, я за такую музыку тебя быстрее любой маршрутки домой доставлю. И денег с тебя ни копейки не возьму. Бабушку ты мне мою напомнил. Она у меня учителем в музыкальной школе работала. В ее руках скрипка тоже часто плакала. Садись дед. Поехали.

Когда машина остановилась у маленького ветхого домишки, дождь уже кончился.

– Надо же, у тебя колодец есть? Редкость какая. У бабушки тоже во дворе был такой. Воды можно попить?

– Можно. – Кивнул старик и пошел в дом за кружкой.

Парень огляделся. Забор покосился, бурьян по пояс, лавочка не крашена, того гляди доска в труху от дождя и снега превратится. Помочь бы деду. Да видно некому. Над головой захрустела ветка и яблоко, чуть не задев, пролетело мимо головы и упало в траву. Парень наклонился, чтобы поднять и увидел в бурьяне старый кошелек.

– Дед, твой гаманец? Чего разбрасываешься? – Позвал он старика, вышедшего на крыльцо с кружкой и уже ковылявшего к нему по заросшей дорожке.

– Мой. Да как же это... – только и смог ответить старик. Слезы в который раз за сегодня предательски потекли из глаз.

– Не плачь, дед. Не к лицу ветерану слезы по пустякам лить. Все образуется.

Похлопав старика по плечу, парень пошел к калитке. Он знал, что еще вернется. И не только чтобы попить воды из колодца.

Порой одиночество заставляет совершать странные поступки. Чужие люди становятся ближе кровных родственников. А беда незнакомых людей открывает в душе человека, казалось бы, не свойственные ему черты. И кто знает, как бы сложилась судьба старика, будь скупщик поговорчивее, а люди на остановке чётрствее душой. Но все случилось именно так. И в итоге, одинокий и позабытый всеми ветеран обрел семью, а молодой таксист деда, которого у него никогда не было.

2 место и звание лауреата – **Галицкая Майя Александровна** – учитель русского языка и литературы Государственного учреждения образования «Нёдойская базовая школа Буда-Кошелёвского района» Гомельской области Республики Беларусь Беларусь. Окончила Гомельский государственный колледж искусств (хореография) и Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Выживший

– Дочка, мне водки и хлеба, простого, чёрного. Нет, больше ничего не надо. Только хлеб порежь, – пожилой мужчина в парадной военной форме смущённо улыбнулся. – Я бы и сам с радостью, да вот... Он приподнял из-за барной стойки полупустой рукав. – И ещё... две рюмки.

Молоденькая официантка с заученной улыбкой кивнула мужчине и отошла. Военный медленно окинул взглядом пустое кафе, выбрал самый дальний столик и так же медленно направился туда. Сняв фуражку и отряхнув с неё снег, он расположился за столиком, рассмотрел стены. Всё как и везде: разноцветная подсветка, зеркальные шары под потолком. Прямо напротив него висел огромный плазменный телевизор во всю стену, на экране которого в беззвучном режиме выделявала замысловатые па темнокожая пара.

– Спасибо, дочка, – поблагодарил мужчину девушку, поставившую перед ним запотевший графин с водкой, две рюмки и плетёную корзинку с аккуратно сложенными кусочками чёрного хлеба.

– Что-нибудь ещё? – с улыбкой поинтересовалась вышколенная официантка.

– Нет, спасибо, моя хорошая. Отдохни. На вот, возьми, – военный расплатился и умолк.

Цокая каблучками, девушка удалилась. Мужчина, посидев минуту, достал портмоне и вынул оттуда небольшую фотографию. Края её обтрепались от долгого ношения в тесноте, бумага пожелтела, а чернильная надпись на обратной стороне выцвела. Кроме того, сама фотография была испачкана чем-то тёмным. Человек налил в рюмку водки до краёв, накрыл куском хлеба и поставил перед собой. На мгновение приложив фотографию к губам, поставил за рюмкой. Через запотевший

хрусталь прямо на него в один момент устремился потускневший от старости взгляд двадцати пар глаз.

– Фью! Фью-ю-ю! – этот Лёшкин свист, казалось, услышало всё ущелье, насквозь пропитанное запахами бензина, пороха и удушливого дыма. Редкие часы афганского затишья не были растянуты в пространстве и времени, как это было на Большой земле. Через минуту из выгоревших, продырявленных осколками брезентовых палаток высыпали загорелые молодые парни и набросились на свистуна.

– Эй, что там?

– Чего свищешь? Зарплату дали?

– Совсем что ли ошалел от жары? – крепкий парнишка плеснул воды Лёшке в лицо.

– Смотрите, пацаны! Да вон, по руке смотрите. Что тащит-то?

Ребята повернулись туда, куда указывал Лёшка, и заметили большую хищную птицу, медленно кружившую в воздухе прямо над палатками. В когтях у неё извивалась крупная змея.

Теперь парни засвистели уже в десяток ртов, зашумели, закричали и замахали руками. Кто-то подхватил камень и бросил в птицу. Лёшка с автоматом наперевес подался вперед, но тут неожиданно птица выпустила добычу, сердито сделала ещё круг и взмыла вверх. Лёшка двинулся было туда, куда предположительно упала змея, но, сделав несколько шагов, замер:

– Ребят, пойдём, посмотрим змеюку!

– Чего хорошего! Ты за полгода змей не насмотрелся, что ли? Вон, за каждым камнем такие же в засаде сидят. Проворонишь – похлеще душмана ужалит!

Все как один служивые махнули руками и скрылись в палатках, оставив Лёшку в одиночестве перед дилеммой: сходить посмотреть змею или пойти за ними в спасительную тень. Лёшка выбрал первое.

Змея толщиной в руку доброго мужчины лежала на голых рыжих камнях, покрытых слоем пепла, песка и гари. Чернёным серебром отливала спина, располованная когтями хищника. Капельки алой крови стекали на камни и тут же запекались на пятидесятиградусной жаре. Устремлённые в одну точку стеклянные глаза её тускнели и, казалось, что последние силы вытекали из неё вместе с этими каплями. Лёшка стоял неподвижно, окаменев от раздиравших его страха и жалости, но всё-таки жалость взяла верх, и он, выставив автомат, медленно пошёл к змее, приговаривая:

– Хорошая, не бойся... Не кусай...

Приблизившись, Лёшка тронул гадину стволом автомата. Змея лишь немного повернула голову и больше не двигалась. Осмелев, парень начал подталкивать её к большому валуну, отбрасывавшему хоть какую-то тень. Затолкав змею за камень, Лёшка пододвинул хвост ближе к голове, стараясь свернуть её в кольцо. Не поднимая головы, змея слабо зашипела, и солдат отпрыгнул подальше, уже удивляясь абсурдности своих действий.

Вернувшись к палаткам, Лёшка оторвал кусок от запасного брезента, налил в гильзу воды. Потом порылся в аптечке, нашёл порошок, которым их военврач засыпал небольшие раны, и отсыпал в ладонь. Снова пошёл туда, за камни, под дружное улюлюканье и нелестные эпитеты сослуживцев. Змея была там. Сделав вокруг неё из мелких камней какое-то подобие стен, он накрыл странное

сооружение тканью, потом осторожно полил змею водой. Медленно приближая руку, Алёшка посыпал раны змеи аптечным порошком. Длинное тело дёрнулось, выгнулось, и как будто затихло.

А потом было пекло. На окраине Герата, где закрепилась Лёшкина мотострелковая дивизия, хватало кровавых драм. С каждым днём места в палатках становилось всё больше, а котелков после еды всё меньше. Сначала с боевой операции не вернулся Лёшкин друг, украинец Петро. От тяжёлого ранения умер прямо на руках друзей армянин Сейран. А змея, выдранная из когтистых хищных лап, жила. Через пару дней после своего спасения она всё-таки свернулась в кольцо, но всё ещё лежала неподвижно. Лёшка уже не боялся быть ужаленным и время от времени посыпал лекарством раны и поливал её водой. Благо, река Карубар в районе старой крепости за Кандагарским рынком в этом месте почти не простреливалась. Он даже пару раз оставлял воду возле змеиной морды.

На пятый день при приближении Лёшки змея подняла голову и уставилась на него немигающим взглядом. Ошарашенный солдат замер в нескольких шагах от её укрытия, не решаясь подойти. Она же шевельнулась и попыталась ползти. Лёшка не двигался и зажмурил глаза: кто-то говорил ему, что если не шевелиться, то змея не ужалит. Укуса не было, и он открыл глаза. Змея всё-таки приблизилась к нему, но теперь лежала, положив голову на громадный Лёшкин сапог.

Жара стояла градусов за сорок в тени. Под безжалостным солнцем солдаты нервно морщили лица, пересохшими глотками жадно хватали раскалённый воздух, наполненный парами дизтоплива и пороховой гари. Уже восемь часов шёл непрерывный, время от времени то усиливавшийся, то ослабевавший бой. Бой, конца которому не было видно, а потому и вызывавший тупое равнодушие к собственной судьбе, давящее ощущение и реальности происходящего, и вместе с тем желание конца. Какого конца, это было уже не столь важно, лишь бы прекратился этот ужас... Лёшка помнил только, что без конца набивал патронник и передёргивал затвор автомата, стреляя по боевикам, пытавшимся перейти поближе... Своё укрепление тогда они удержали.

Приказали рано утром вновь выйти на занимаемые ранее позиции и захватить первые дувалы. Правда, командир при этом страшно ругался в адрес какого-то обременённого большой властью остолопа, потому как он-то хорошо понимал, что означает этот приказ. Приказ, уменьшивший за минувший день Лёшкину дивизию ровно на треть убитыми и ранеными. Понимали это и молчаливо стоявшие рядом офицеры штаба и всегда рассудительный батальонный, но правила игры требовали сказать одно лишь единственное слово "Есть!" И это слово было сказано.

Попав в палатки уже глубокой ночью, оставшиеся в живых ребята напились воды и, не раздеваясь, попадали на дощатые настилы. Лёшка, наспех перевязав задетый осколком палец, как обычно зачерпнул воды и направился к змее. Полив её водой, он обречённо присел на камни, обхватил голову руками и затих в каком-то забытьи. В тот же миг окрепшая змея развитой пружиной метнулась к нему на шею и стянулась в тугий узел, не оставляя обессиленному солдату ни малейшей возможности даже сдвинуться с места. Хватая ртом ни на градус не остывший воздух, Лёшка ухватил змею двумя руками, намереваясь стянуть, но она стальной удавкой сжималась всё сильнее. У Лёшки потемнело в глазах, в висках застучало, руки ослабели, и он потерял сознание.

Когда Лёшка очнулся, он понял, что прошло совсем мало времени, потому что стояла всё та же непроглядная ночная тьма, усиленная едким чёрным дымом. Змея, видимо, уползла, так как ни под камнем, ни поблизости её не было. Помотав головой, он поднялся с камней и, пошатываясь, побрёл к палаткам. То, что он увидел, повергло его в немое оцепенение. Вся его палатка была залита кровью. Кровь была везде: на дырявых стенках, на раскиданных вещах и даже в бачке с водой. Трое ребят, деливших с ним палатку всю армейскую службу, валялись с перерезанным горлом.

Лёшка, зажимая руками рот в немом крике и сдерживая подступавшую тошноту, вывалился из палатки, в один момент преодолел несколько шагов и рванул крыло соседней. То же самое... Всех ребят вырезали душманы. Всех. Ему казалось, что он ещё слышит шарканье подошв убежавших бандитов, чувствует их звериный запах и видит растворяющиеся в кромешной тьме тени.

События следующих дней Лёшка помнил урывками. Трое суток в одиночку он преследовал целую банду вооружённых до зубов моджахедов. В совершенно незнакомом ему ущелье. Шёл за добычей, как волк. Не ел и не пил ничего. Почему-то он чувствовал именно свою вину за то, что погибли ЕГО ребята, и он хотел отомстить во что бы то ни стало. И за себя, и за них. Он выследил убийц, и теперь шёл за ними по пятам, желая улучшить нужный момент и напасть. Но справится ли, он не знал и был готов погибнуть.

На четвёртую ночь Лёшка ощутил, что силы покидают его измученное тело. Бандиты думали, что в устроенной ими провокации погибли все, и не особо остерегались погони. И тогда он по-кошачьи бесшумно подполз к костру у небольшой, уже виденной им когда-то давно пещерки, возле которого караулили покой два афганца, и в одном прыжке – отчаянном, злом и почти безнадёжном – единственным имевшимся оружием, штык-ножом, заколол их. Затем бросился в пещеру. Чтобы спящие бандиты не кричали, он зажимал им рты рукой и только потом резал горла. У последнего из врагов на шее он заметил подвеску – половинку сердца. Эта подвеска была на шее Лёшкиного друга из той палатки. Полосуя по горлу моджахеда, Лёшка по-детски разрыдался, с остервенением втыкая затупившееся оружие в ещё тёплое обмякшее тело. Он глотал слёзы, всхлипывал и шептал:

– Ну что, взяли, гады? Взяли, а?

Четырнадцать трупов остались за его спиной, когда он снова вышел к огню.

Спустя неделю оборванный и исхудавший Лёшка объявился в расположении какой-то другой воинской части. Его сразу же отправили в госпиталь. Не только потому, что он имел ужасный вид и очень ослаб, а левая рука почернела и была как полено. А ещё и потому, что он попросил сразу отдать его под трибунал.

Лёшка полностью пришёл в себя только в МИГе, увозившем его на Большую землю. Раненный осколком палец дал заражение, и руку до локтя пришлось ампутировать. В госпитале ему приходилось бесконечно отвечать на расспросы солидных военных с полковничьими и генеральскими погонами, подписывать бессчётное количество бумаг и писать сотни рапортов и объяснительных... Подлечившись, он долго и безуспешно просился назад, в Афган, но неумолимый военком, протянув военный билет, сухо пожал ему оставшуюся руку и отпустил на все четыре стороны...

Громким "Прощанием славянки" затренькал мобильный телефон. Пожилой военный, до этого несколько часов сидевший неподвижно, не сразу взял трубку.

– Да, сын, подъезжай. И мать заберём.

Мужчина медленно встал, забрал со стола фотографию и снова положил её на привычное место. Залпом выпив из хрустального графина оставшуюся жидкость, он двинулся к выходу.

Так как никого, кроме него, в кафе не было, плазма передавала новости. Сухой дикторский голос вещал из глубины экрана:

– За 10 лет кровопролитной афганской войны СССР потерял почти 15 тысяч солдат. Согласно официальной статистике, около 300 человек пропали без вести. И сегодня, в годовщину вывода советских войск из Афганистана...

Не дослушав, военный повернул голову и рывком дёрнул ворот парадного кителя, оторвав от белоснежной рубашки несколько пуговиц. Обнажилась длинная загорелая шея, на которой синей петлёй обвилась вытатуированная змея.

2 место и звание лауреата – **Халдина Елена Вадимовна** – состоит в Уральском творческом объединение «Талисман» (Челябинск), в литературном объединение детских авторов «Тропинка» (Челябинск) и в ЛитО «Райские яблоки» (Касли). Проживает в г. Касли Челябинской области.

А вы робят моих не видали?

Посвящается Устинье Ивановне Яниной

В огороде с утра пораньше бабушка Устинья окучивала картошку. Устала сильно. Спину пересекло, кое-как выпрямилась, держась за тяпку. Солнце припекало. Глазами она посчитала окученные ряды картошки, посетовав вслух: «Батюшки мои, всего-то навсего восемь рядков окучила, а провóшкалась столь время! Года своё берут... Пожалуй сяду в тенёк под черёмуху, передохну трóшки, мьíслимо ли – девятым десятком разменяла, ладно хоть ещё так шевéлюсь... Отдыхать собралась, а обед-то кто варить будет? И то, правда, пойти, хоть похлёбку маломальскую на скóру

руку сготовить. Не ровен час, робята мои исть захотят, да домой прибегут, а я, квашня старая, чем их кормить-то буду? Придётся мальчикам сухонбничать с такой-то матерью... В работе да в заботе про всё забыла, да как тут не забыть-то? Травы-то сколь, берёзка-то всё как есть затянула, ни какого сладу с ней нет... Ближе-то к вечеру жар спадёт, так, Бог даст, ещё покопаюсь, сколь смогу не загадывамши, а то ведь перед людьми стыдобищэ – всё как есть заросло... Раньше-то такого срама в огороде у меня не бывало. До чё дожила... и пошто я в огороде-то одна всё рблю, у меня ж робят столь?! Прибегут робятёшки-то домой, накормлю их как слéдоват, а после пушай пособят мне картошку окучить. Ну, не цельными же днями им по улке рысогбнить?! Сызмальства к труду-то приучать надо, а то испотварим робятёшек сами, а они потом невесть что творят, да рбить не хотят, разве ж ёнто дело? То-то и оно...».

...В избе Устинья почистила луковицу, морковку, штук пяток картофелин. Порезала скоро-наскоро картофель в кастрюлю с водой, потом поставила варить на электроплиту. Пока вода закипала, пережарила лук с тёртой морковкой на нутряном свином сале в чугунной сковородке. Разбила куриное яйцо в миску, взбила вилкой, добавила немножко муки, всё перемешала, тщательно разминая комочки. Жидкое тесто понемножку ложкой опускала в кипящую похлёбку, разговаривая сама с собой: «Робята-то мои таку похлёбку с колобками шибко любят! Особенно младшенький мой, Ванюшка... Батюшки, а укроп-то, укроп забыла крошить, совсем памяти не стало, ёнто чё ж такб... Да ещё хоть малёхо молочком забелить, всё ж таки повкуснее похлёбка-то буде. Жалко коровушки-то своей ббле нет, да и какая уж мне теперь корова? Два шага прошла и задохла, заплюхалась я совсем. Сердце-то того и гляди выпрыгнет, ничё не робит, а за коровушкой-то уход нужён».

Устинья попробовала похлёбку, а после сказала вслух:

– Ничё, похлёбка-то славная и соли в аккурат. Робята-то мои её живо два съедят.

Кукушка в ходиках прокуковала два раза.

«Ой, время-то сколь! Ну, надо же, два часа прокуковала – обедать давно пора, а робята-то мои где-кась? Вот сорванцы – забегались и про еду-то совсем забыли. Ну, да чё поделашь, знамо дело – дело молодое! Сама давно ли девкой была?! Ой, а года бегут, бегут, чем дальше, тем круче. Верно мне ране матушка-то говаривала что, в детстве-то время медленно идёт, ровно в гору нехотя поднимается, а стоит только замуж выйти да малых деток нарожать, так года-то с горы вниз и покатаются, словно на санках... Пойти скликать, ли чё ли, на улке робятёшек, поди-то, услышат, придут не ровен час. Сперва их накормлю, а после уж сама отобедаю».

Устинья вышла на крыльцо и закричала:

– Васька, Петька, Павлушка, Ванюшка-а! Вы где кось запропалились? Вот окаянные робятёшки... Обедать бегите! Похлёбка стынет...

На её крики никто не отзывался.

«Ладно, пойду, поищу сама. Голодные робятёшки-то бегают, жалко до чё. Ванечка-то мой совсем исхудал – одна кожа да кости. Взглянешь – почти насквозь светится. Да и в кого шибко-то полным быть? Я отродясь худбщая была. Свекровь, помню, всё по молодости-то меня донимала, чуть что, говаривала: девка-а, и как тебя только ноги носят? Того и гляди переломишься! А я ещё серчала на неё за ёнти слова, стыдилась шибко худобы-то своей. Сколь воды утекло с тех пор...».

Бабка Устинья вышла на улицу. Посмотрела по сторонам: «Ну, куда их нелёгкая опять унесла? Батюшки мои, словно корова языком слизала...».

У дома напротив сосед Сашка Каманцев чинил трактор. Старушка подошла к нему поближе и поздоровалась.

– Здорово, Ляксáндр!

– Здравствуй, бабушка Устинья!

– Опять под трактором лежишь, сердешный!

– Лежу, а куда деваться-то? Старьё, ломается, будь он неладен. Ни дела, ни работы.

– Ой, а увазюкался-то ты как, батюшки мои! Энтó ж Тоньке твоей после одёжу-то не донять...

– Тонька – баба добрая, поворчит само собой, да успокоится. Шабалы́, они и есть шабалы́! Чего-чего, а э́нтого добра у нас хватáт. Без грязи – денег не зарóбишь! Сама знашь.

– Так-то оно так... А ты робя́т-то моих не видал?

– Нет, не видал...

– Вот где бегают, а? Старшие-то, поди, на озеро купаться убежали, и малой, как пить дать, за ними увязался... Жара-то, какая стоит! Духота-а, не ровен час гроза будет... А Ванюшка-то мой плавать ладо́м не умеет, как бы до греха дело не дошло, вот ведь чё! Материнское-то сердце – загодя беду чует... Пойду на озере гляну. Пока похлёбку-то варила, сколь раз в окошко глядела – всё возле избы вертелись. Пошла звать, а их и след простыл, и когда только убежать успели? Ох, бедовые робя́та...

– Да не переживай, бабка Устинья! Куда твои ребятишки денутся? В деревне нашей тишь да благодать, кругом все свои. Набегаются и всю твою похлёбку слупят за милоу душу.

– И то, правда, Ляксáндр! Утешил старуху...

Пошла бабка Устинья проулком к озеру. В огороде соседи Зубовы всей семьёй дружно окучивали картошку. Устинья подошла поближе к плетню и крикнула:

– Бог в помощь, милы люди! День добрый!

– Ой, здравствуй, бабка Устинья! – первым поздоровался отец семейства Иван Петрович, а следом за ним и остальные члены семьи.

– Робят я своих ищу, может видали?

– Нет, что ты, что ты... Головушку поднять некогда, работы столь, сама видишь...

– Вы всей-то артелью управитесь. А я думаю, дай-ка поздоровкаюсь с добрыми людьми, да заодно спрошу про своих робятёшек. Ну, нет, так нет – на нет и суда нет... Пойду к озеру спушусь, там ещё покличу.купаются, поди, сорванцы на Крутояре, а похлёбка-то моя стынет.

– Так на то и лето, что б купаться!

– И то верно.

– Вон, Идка-то Бестенева с озера идёт, ты, бабка Устинья, её спроси, ноги-то свои не май.

– И то, правда ... Тады́ постою подожду, хоть дух малёхо переведу, а то задохла совсем. Жара, духота, как бы грозы не было! Эвон тучки засобирались... Земля пересохла – дождя просит...

Идка с озера несла на коромысле воду в вёдрах. Подойдя поближе к бабке Устинье, поздоровалась.

– Здравствуйте!

– Здорово, девонька! Устала, поди шибко? Эвон, вёдра-то полнёхоньки несёшь, передохни хоть малёхо возле меня.

– Отдыхать зимой буду! А покуда работы столь, какой отдых? Некогда мне с тобой лясы-то точить... А ты куда ёнто собралась? Купаться, что ли, надумала на старости-то лет?!

– С чего глядя? Смеёшься ли чё ль над старой?! Я уж своё откупалась. Робят я своих ищу. Убежали, а у меня похлёбка стынет. Ты их на озере-то часом не видала? – Вот те раз... Ёнто чё ж такó, бабка Устинья?! Нет у тебя никаких ребятишек... Ходишь, каждый день туда-сюда, деревню дивишь, да людей от работы отвлекаешь. Ты хоть ноги-то свои пожалей!.. Домой, домой ступай, отдохни.

– Как ёнто нету? Есть! Четыре сыночка у меня – Васька, Петька, Павлушка, да самый малый – Ванюшка!

Идка помолчала чуток, а потом добавила:

– На войне они все у тебя погибли...

Устинья посмотрела на неё сквозь слёзы:

– Да ты чё, девонька, такó говоришь-то? Перегрелась ли чё ль сёдня на солнцепёке?.. Живы они, живы! Набегаются вволю да домой придут...

Вытирая слёзы уголком платка, бабка Устинья побрела дальше – искать ребятишек.

НГАУ. Член Союза журналистов. Являлся внештатным сотрудником газеты УВВ МВД СССР по Западной Сибири "Красное знамя", "Провинция", "За народную власть" и др. Работал в рыбохотнадзоре, плотником-бетонщиком, кочегаром, охранником, рыбаком. Проживает в городе Барабинске Новосибирской области.

Что стоишь, качаясь...

(Глава из повести «Завещай мне удачу»)

В местном продуктовом павильоне был только один покупатель Люба Егорова, высокая женщина, лет сорока. Люба жила в поселке, работала в городской социальной службе и обслуживала местных стариков, нуждающихся в уходе, и инвалидов. В руке она держала только что купленную бутылку пива, объемом полтора литра, прозванную в народе "полторашкой".

– Здравствуйте! – поздоровался Дмитрий с женщинами.

– Здравствуй, Дима! – ответили продавщица и Люба одновременно.

– Что, Любаша, решила побаловать мужа пивком? – шутливо спросил Дмитрий, обращаясь к Егоровой.

– Ага! Мой пиво не пьет. Он водку любит, – с натянутой улыбкой ответила она, взявшись за дверную ручку. – Это я бабке – "Чеченке". Просит: возьми да возьми. Надоела уже. Еще матерится. Обматерила меня, на чем белый свет стоит, что я ей пиво прошлый раз не принесла. Ой, горе мне с этими бабками! Привередливые они такие! Я говорю, нельзя тебе пить пиво, а она даже слышать не хочет. Ну, ладно, думаю, возьму. Пей ты, пей!

Люба, еще что-то говоря, открыла дверь, и ушла.

– Мне четыре йогурта, вареников с полкило с картошкой, – Дмитрий протянул продавщице смятые две сотни рублей.

Она достала из холодильника продукты и, отсчитывая сдачу, спросила:

– Как там отец?

– Не знаю, как и сказать... Состояние – стабильно нехорошее. Все больше лежит, сидит... Сейчас покормлю, подкину в печку угля на ночь...

– У тебя он хоть в тепле лежит, – вздохнула продавщица. – Ты все-таки сын, да и вместе с ним сейчас находишься. Ты и ночуешь с отцом?

– Конечно. Работу пришлось оставить...

– А вот бедная "Чеченка"... Сейчас с любой разговаривали об этом. Муженек ее в тюрьму загремел, а за бабкой и присмотреть некому.

– За ней же Люба ухаживает.

– Да разве ж это уход. Разве она будет так ухаживать, как ухаживал бы близкий человек. И бабка у нее такая не одна. Придет утром да вечером, протопит дровами. "Чеченка" бедняжка весь день мокрая лежит. Морозы-то какие сейчас стоят! На днях заходила к ней в дом. Так у меня волосы чуть дыбом не встали... Ох, бедная умереть-то по-человечески не может.

Дмитрий ничего не сказал, лишь вздохнул и вышел из павильона. На улице уже совсем потемнело. Морозный воздух врезался в легкие, и он, прикрыв рот воротником, прибавил шагу. Дорогой он не мог выкинуть из головы слова продавщицы, представив, в каких условиях находится бедная старуха... «И сколько же на земле еще таких, ни кому не нужных стариков». Сколько на свете боли, крови и слез! Ему стало дурно.

Дмитрий остановился и присел на корточки от внезапно подступившей слабости и темноты в глазах. Несмотря на то, что мороз свирепствовал, пытаясь пробраться до самых костей, он почувствовал, как по телу побежали капельки пота. От этого стало немного легче.

– Дурак! – сказал он себе, поднимаясь с колен. – Зачем все принимаешь близко к сердцу. Мир не изменить. Как были боль и страдания на земле, так и будут. Не думай обо всех, всех – не обогреть. Делай хотя бы то, что можешь.

Продолжил путь, делая остановки. Возле дома "Чеченки" бросил взгляд на светившиеся в нем окна. Поверх коротких занавесок было видно, что кто-то ходит по комнате. Подойдя ближе, все отчетливее прорисовывался женский силуэт. «Надо зайти», – подумал Дмитрия, сворачивая к дому.

Входная дверь была открыта, он толкнул ее от себя, на веранде – темно, хоть глаз выколи. Долго не мог нащупать дверную ручку, на пути попадались только стены. Наконец, увидел в проеме свет, вздохнул с облегчением.

В нос ударил резкий запах мочи. Бабка лежала на полу, на толстом матрасе, она никак не среагировала на его приход, лишь что-то прошептала, очевидно, о чем-то прося Любу. Люба повернула голову, она растапливала печь, и тут же продолжила свое занятие.

В квартире было не намного теплее, чем на улице. Дмитрий набрал в легкие воздуха и выдохнул: изо рта пошли клубочки пара.

– Не жарко здесь, – сказал он.

– А что ты, Митя, хочешь, – Люба, растопив печь, встала, держась за спину. – Дровами одними разве натопишь?

– А что нет угля?

– Нет. «Чеченец» должен был вывезти, но его посадили... Вместе с бабкиной пенсией улизнул.

Старик не имел никакого отношения к кавказской национальности. Кличку получил за неумное желание причислить себя к участникам боевых действий в Чечне. Несмотря на его возраст и неоднократные судимости, многие ему верили. Так и старуха стала «Чеченкой».

– В соцзащите попросить надо, чтобы обеспечили углем.

– Ой, кому что надо? Дочери родной не надо, а ты хочешь, чтобы чужие люди беспокоились. Ей даже инвалидность не дают. Она пластом лежит, а инвалидность не дают. Дурдом.

– Люба! – послышался тихий голос бабки.

– Сейчас!

– Пива просит, – пояснила Люба. – Даю ей чуть-чуть. У бабки одна радость осталась.

Дмитрий обвел взглядом кухню. Грязные стены и потолок, давно немывтый пол. А главное – мертвецкий холод.

– А почему она лежит на полу, да еще голая? По низу тянет страшно.

– Падает. Я же не могу с ней сидеть день и ночь...

– А у нее дети есть?

– Дочь в Новосибирске живет. Почему не заберет к себе мать, не знаю.

– У тебя есть номер дочери? – спросил он, и, получив утвердительный ответ, тут же ввел его к себе в сотовый телефон. – Приду домой, позвоню.

Шарик, отцовский пес, выбежал навстречу, замахал хвостом.

– Больше не лаешь на меня, – Дмитрий потрепал собаку по загривку. Радостно взвизгнув, Шарик, встав на задние лапы, прижал его ногу передними лапами. – Теперь мы с тобой должны ладить. О тебе, кроме меня, заботиться некому.

Словно поняв, о чем идет речь, пес тихо заскулил.

– Ладно, пошли я тебе что-нибудь вынесу поесть.

Он очистил кастрюлю и сковородку от остатков еды, затем налил в собачью чашку немного молока и сыпал туда остатки еды. Шарик жадно стал хватать куски хлеба, картошки.

Дома он стал кормить отца.

– Йогурт ешь. Вкусный йогурт?

– Вкусный, – ответил отец.

– То-то же! Будешь есть, поправишься быстрее. Уже почти весна на дворе. Правда, морозы еще жмут отчаянно. Летом будем выбираться на улицу. Веселей будет.

Словно маленький ребенок, отец слушал внимательно и кивал в знак согласия.

– Тебе, батя, повезло, – продолжал Дмитрий, поднося ложку к отцовскому рту. – Вон соседка – одна, в голоде и холоде. А я с тобой. А знаешь, почему? Потому что это мой долг. И еще потому, наверное, что ты меня никогда не бил...

Отец захотел в туалет.

– Давай, батя, справляй свои надобности, а я пойду в другую комнату позвоню, – сказал Дмитрий.

Он достал сотовый телефон, нашел записанный номер дочери «Чеченки», нажал кнопку вызова. Послышались длинные гудки. «Значит, связь есть», – подумал Дмитрий. На втором гудке вызов был принят.

– Алло, кто звонит? – откликнулся женский голос на другом конце.

– Здравствуйте, это Наташа? Дмитрий вас беспокоит, сосед вашей матери.

– Что-то случилось с мамой? – голос зазвучал встревожено.

– Случилось. Вы разве не знаете, что ваша мать тяжело больна? У нее инсульт.

– Знаю, – спокойно протянула дочь. – Вы меня напугали, я подумала, что она умерла. Ух, ты, господи. Слава богу, жива еще. Вы мне хотели сказать только об этом – что она больна? Так я знаю. За ней же ухаживает соцработник... Люба, кажется, звать...

Женщина говорила быстро, как будто куда-то торопилась. Дмитрий дал ей выговориться.

– Наташа, я сегодня заходил к ней вместе с Любой, она лежит голая на полу. Понимаете, это трудно передать словами. На улице не май месяц. Ей нужен настоящий уход. Тепло. А у нее даже угля нет...

– Ах, мама! Сама виновата в своей судьбе. Сколько нервов потратила, чтобы она развязалась со своим уголовником. Так, нет же. Внукам ни копейки не послала, зато своему уголовнику регулярно передачи возила. Вот и довозилась – опять посадили его. Вот, пусть, он и помогает теперь ей. А я не могу. Я работаю. У меня нет дома условий.

– Вы не горячитесь, возможно, вам удастся выбрать время и приехать; сами посмотрите, может, что-то решите...

– Что вы от меня хотите? Чтобы я приехала и забрала ее?

– Да разве ж это важно, что я хочу? Вам решать.

– У вас все?

– Да, в общем-то, все. До свидания!

Дмитрий отключил телефон и вернулся к отцу.

– Батя, приготовься, – сказал он, надевая резиновые перчатки, – будем, приводить тебя в порядок.

Он попытался повернуть отца на бок.

– Тише, – скривился старик от боли.

– Больно?

– А то нет...

– Терпи, а иначе мне не добраться до твоей задницы. Ох, ты и навалил! Но это хорошо, хоть клизму ставить не придется. Да?

– Конечно.

Дмитрий взял отца за спину, отчего тот скривился от боли, и стал осторожно двигать на себя.

– Больно... – простонал отец.

– Потерпи, батя... Надо... – Дмитрий с силой, но, стараясь как можно мягче, повернул вначале ногу, затем туловище. В таком положении, недвижимое тело утратило равновесие и стало клониться. Чтобы отец не свалился лицом на кровать, Дмитрий стал придерживать его одной рукой. После чего ухватился свободной рукой за пеленку. Но вытащить с первого раза не удалось. Пеленка, словно приклеенная "Моментом", никак не хотела отставать от тела. Повторил попытку, но опять ничего не получилось.

– Твою мать, – выругался Дмитрий. – Не сдирать же ее вместе с кожей.

Удерживать отца в таком положении он больше не мог.

– Придется тебя повернуть на живот, – сказал Дмитрий.

– Да ложи ты хочь на живот, хочь верх тормашками, только больше не мучай меня!

Когда освободились две руки, он смог осторожно убрать с тела прилипшую клеенку.

– Фу, батя... – вздохнул Дмитрий. – С одним делом, кажись, мы справились.

После чего, чтобы отец не задохнулся, быстро взял со стула чистую клеенку и попытался положить ее на место прежней. Но понял, что вряд ли ему это удастся сделать.

Легче было посадить отца в кресло. Он вначале посадил его на кровать, а затем не с меньшим

усилием буквально перетащил в кресло.

– Вот теперь можно тебе посидеть, – сказал он, переводя дыхание. – Небольшое разнообразие, но хоть так... Да, батя?

– Да, сынок...

– Ничего, доживем до лета, купим инвалидную коляску – веселей будет. Да, батя?

Отец промолчал. Дмитрий лег на диван, время от времени, поглядывая на отца, который о чем-то разговаривал сам с собой. Вдруг он услышал тихое всхлипывание.

– Ты что, батя? – спросил он.

– Ничего, сынок ... – слезы текли по бледным щекам.

У Дмитрия застрял комок в горле.

– Не переживай, батя, – он попытался хоть как-то утешить отца.

– Да не поправлюсь я уже ...

– Поправишься! Мы тебя еще женим.

– Нет, сынок, – он вздохнул. – Никто мне теперь не нужен. И я никому не нужен. Ты отдай меня в «дом престарелых». Мне тоскливо ... Не могу я... И тебе легче будет.

– Не выдумывай! Давай, лучше споем песню. Вдвоем. Во все горло. Как ты на это смотришь?

– Да-вай, – согласился, всхлипывая, отец. – Ка-кую?

Дмитрий задумался. Он знал много русских народных песен, все они одна за другой всплывали в его памяти. Какой из них отдать предпочтение?

Пока он думал, отец запел:

– Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, – донесся до него хриплый голос. – Головой поникла, до самого тыну ...

– Но нельзя рябине к дубу перебраться – знать судьба такая ... – подхватил Дмитрий в унисон.

– Знать судьба така -кая ... отец снова заплакал.

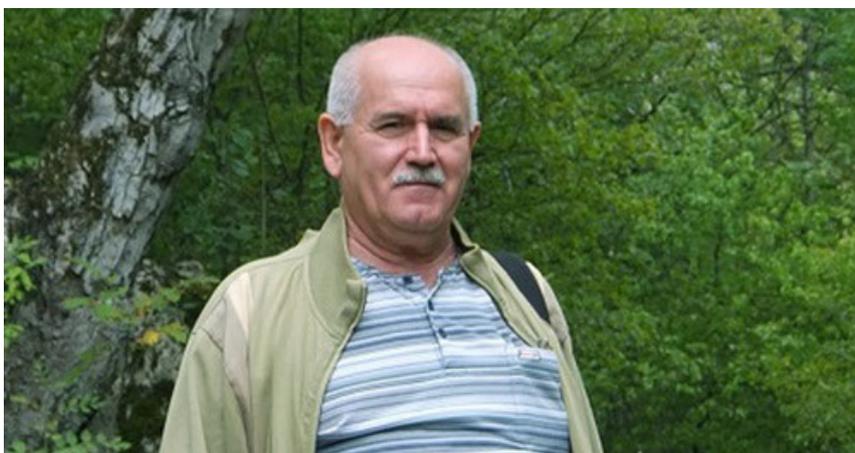
– Знать судьба такая... – пели они и плакали.

Слезинки быстро скатывались по щеке в рот Дмитрию, он чувствовал их соленый вкус, отчего становилось еще горше на душе...

На следующий день, утром, Дмитрий, раздвигая занавески, выглянул в окно. Ярко светило солнце. Приближающаяся весна брала свое. Возле дома «Чеченки» остановилась такси. Из нее вышла

женщина лет сорока, она быстрым шагом направилась в дом старухи...

Звание дипломанта – **Восканян Альберт Завенович** – родился в 1957 года в Баку в семье выходца из Нагорного Карабаха. Окончил специальную среднюю школу милиции в Белгороде (БССШМ), затем Степанакертский пединститут и Мобильную академию мира. Член Союза журналистов Нагорно-Карабахской республики. Проживает в городе Степанакерт, Армения.

Мальш

Самвел подошёл к могиле, положил восемь алых гвоздик на плиту. От пронизывающего ноябрьского ветра мужчина поёжился, поднял воротник куртки и закурил сигарету...

Каждый год 27 ноября он приходил на Мемориальный комплекс, чтобы положить цветы на могилу Мальша. Как правило, он задумчиво выкуривал у могильного камня пару сигарет и молча уходил...

С надгробной плиты на Самвела смотрел, стоя во весь рост, улыбающийся конопатый паренёк, одетый в камуфлированную форму. Мужчина долго глядел в весёлые, задиристые глаза Мальша и унёсся мыслями в то время, когда в Карабахе шли кровопролитные бои, и жизнь человека не стоила и ломаного гроша...

Мощное наступление неприятеля в Мартакертском направлении было приостановлено. Обе противоборствующие стороны окопались, не предпринимали никаких активных военных действий. Подразделение Армии обороны НКР, где служил Самвел, дислоцировалось в лесу, недалеко от села Кичан Мартакертского района. Люди смогли перевести дух, командир по очереди отпускал бойцов на пару дней, чтобы повидаться с семьёй, искупаться, сменить одежду...

Несколько месяцев назад к ним прибился невысокий худенький паренёк лет шестнадцати. По егоговору было заметно, что мальчик из низинных сёл Карабаха. Командир вызвал его, поговорил, пригрозил, что, если тот не вернётся домой, то он будет вынужден «принять меры». Но мальчику некуда было идти – их село было под оккупацией неприятеля. Отец его пропал без вести, когда он и мужчины села прикрывали отход сельчан, спешно покидавших свои дома. Старики, женщины, дети уходили лесами, чтобы спастись от неминуемой смерти. Мать и двое сестёр мальчика теперь находились во временном лагере под Степанакертом...

Один из солдат знал отца мальчика, он слышал эту трагическую историю и подтвердил сказанное пареньком...

Командир не знал, что делать, и решил на свой риск оставить мальчика в подразделении, закрепив его за кухней. Вызвав своего заместителя по тылу, он передал мальчика под его ответственность...

По приказу командира паренька взяли на довольствие, выдали ему форму самого маленького размера. Радости мальчика не было предела...

Никто не знал точно, как его зовут, но с учётом возраста и комплекции мальчика, начали называть Малышом. Мальчик был смышлённый, его голос можно было слышать во всех концах временного лагеря. Он успевал принести из лесу дров, нарубить их, вёдрами носил из родника воду для кухни, помогал повару... Все знали, что если о чём-то попросить Малыша, то отказа не будет...

А однажды он пропал. Все забеспокоились, командир дал команду прочесать близлежащий лес, окрестности, но поиски не дали результатов. На всякий случай, он сообщил о ЧП вышестоящему командованию, получил нагоняй и приказ во чтобы то ни стало найти мальчика...

Больше всех переживал Самвел, к которому Малыш с первого дня потянулся и называл его «дядей Самвелом». Позже мальчик объяснил, что Самвел очень похож на его отца, пропавшего без вести. Большую часть своего времени Малыш проводил рядом с Самвелом...

Через три дня Малыш появился в расположении подразделения – чумазый, в оборванной форме и... верхом. Под ним была лошадь белого цвета, без седла. На шее животного болтался обрывок верёвки...

Оказалось, что Малыш рано утром сбежал с территории лагеря и вышел лесными тропами к расположению неприятельских позиций. Два дня он находился в непосредственной близости от неприятеля, прятался в лесу, питался ягодами и каким-то образом смог «экспроприировать» пасущуюся недалеко лошадь и теми же путями незаметно вернуться обратно...

Свой поступок он объяснил тем, что хотел доказать, что он взрослый и ему можно доверить оружие...

Командир недоверчиво выслушал рассказ Малыша, после чего вызвал начальника разведки, и уже вместе с ним они снова допросили его, попросили на карте показать маршрут его движения. Паренёк, естественно, в картах не разбирался, но с его слов быстро поняли, каким образом он смог перейти на противоположную сторону и вернуться...

Самвел, сидя под деревом, разобрал свой «Калашников», разложил детали на траве, и начал чистить их тряпочкой. Чуть раньше разведка сообщила, что неприятель что-то замышляет, и командир приказал всем проверить своё оружие...

Малыш лежал на траве рядом с Самвелом. Он был каким-то молчаливым, что не было похоже на

него.

– Ты чего это, «Малыш», такой грустный? – протирая смазанной машинным маслом тряпочкой деталь автомата, спросил Самвел, скосив глаза на мальчика.

Тот молчал, покусывая травинку, потом, не глядя в лицо Самвелу, произнёс:

– Сон видел... Папа и другие мужчины, кто с автоматом, кто с охотничьим ружьём, стреляли, чтобы мы смогли спастись.. Папа, увидев меня, крикнул, чтобы я убежал... У меня на глазах пуля попала папе в голову, и он упал... Я закричал, побежал к нему... потом проснулся...

Самвел выслушал мальчика и, оторвавшись от чистки оружия, успокоил его:

– Это сон, «Малыш», не бери в голову... Жив твой папа... надеюсь, вернётся домой... Вставай, идём – скоро построение...

– Дядь Самвел, вы идите, я догоню...

Голос мальчика дрожал, чувствовалось, что он еле сдерживает слёзы...

Собрав автомат и закинув его на плечо, Самвел пошёл вперёд, в середину лагеря, где минут через 10 должно было быть построение...

Не пройдя и 50 метров, он услышал пронзительный звук падающих мин. Мужчина инстинктивно бросился на землю. Две мины разорвались позади него, там, где он был с Малышом. Обернувшись, он увидел мальчика, лежавшего под деревом с неестественно раскинутыми руками...

– Малыш! – закричал Самвел и, вскочив, бросился к мальчику, не обращая внимания на то, что обстрел лагеря усиливался.

Подбежав к тому месту, где лежал паренёк, Самвел наклонился и приподнял голову мальчика, положил на своё колено.

– Не закрывай глаза, Малыш, сейчас придёт медбрат... – кричал Самвел, глядя в веснушчатое лицо мальчика.

Глаза Малыша были прикрыты, на лице была видна гримаса боли. Вдруг мальчик тяжело приоткрыл веки:

– Папа... дядя Самвел... сон... – прошептал он и, улыбнувшись своей детской улыбкой, передёрнулся и испустил дух. Голова мальчика повисла... На груди паренька блеснул металлический нательный крестик...

– Малыш! – дико закричал Самвел...

Хоронили мальчика на Мемориальном комплексе Степанакерта, так как село, где жил Малыш находилось в руках неприятеля...

Война закончилась перемирием. Много воды утекло с того времени, но Самвел часто вспоминал этого мальчика, и каждый год, в этот самый день, приходил на его могилу, где, стоя во весь рост, на него с камня смотрел весёлый конопатый паренёк, одетый в камуфлированную форму...

Звание дипломанта – **Талызин Николай Юрьевич** – родился в 1958 году в городе Цимлянске, на Дону. Детство и школьные годы прошли на Русском Севере — город Инта, Республика Коми. Окончил Саратовское высшее военно-инженерное училище химической защиты. После демобилизации работает инженером на одном из заводов Саратова. Проживает в Саратове. Иногда, когда душа молчать не может, пишет рассказы...

Последний ответ на неполученное письмо

Прости, папулечка, чуток опустило... Я опять могу с тобой разговаривать. Сейчас, нащупаю ручку и тетрадь и стану письмо сочинять тебе... Я же тебе, мой родненький папулечка, уже более семидесяти лет пишу... И говорю с тобой... Днем и ночью... Чаше ночами, особливо, коль трудно жизнь складывается.

Карандаш не наточен, ручка без чернил, а тетрадку мне опять не принесли... А просила же ведь, просила принести.

Я знаю, мой папочка, что ты не виноват, что война такая подлая, и от неё нет ответа. Прости, опять накатило давление, башка чугунная, но почему-то улетает, улетает, улетает...

Сейчас, уж скоро, внуки придут, аль детки мои, то бишь твои внуки. И, как я сразу не сообразила, твои кровинушки, мои внуки, твои правнучки. Кровушка наша родненькая, мой папулечка.

Я спала в своей кроватке, а ты ушёл на войну. Мне снилось, что ты, мой родненький папулечка, целовал меня и плакал. А я спала и улыбалась, мне было страсть как хорошо. Прости, папочка, что я не проснулась и не поцеловала тебя в последний раз. Прости, мой родненький. Прости...

Мы с мамкой ждали письма от тебя. Мамочка говорила, что ты ворогов всех перебеёшь и вернёшься к нам, мороженого принесёшь... и хлебушка. Но, письма от тебя всё не было и не было. Никогда не было!!! И хлебушка не было.

Папочка мой, я опять очнулась, я снова могу тебе письмо писать, то, что многие десятилетия пишу и закончить всё не получается. Только, прости, детки пришли, сейчас будут делать страсть какие больные уколы, таблетками пичкать. И, улыбаясь с натугой, пытаться накормить меня. Но, прости их, мой папочка, они же не знают, что скоро, уже скоро, мне не надо будет писать тебе это бесконечное письмо, вот-вот, и мы будем вместе. Наконец-то!

Я знаю, ты хотел нам с мамой написать, но, быть может, не успел, даже, стало быть, написал, но потерялось письмо в суматохе военной. Всяко бывало-то. А как ты-то сам потерялся? Как ты смог нас бросить, папка ты мой...

Мы ждали и ждали твоего письма, а тут фашисты нас бомбить стали, да всё по нефтеперегонному заводу. А мне соседский пацан Андрейка сказал, что без керосина машины не ездят. Как же ты ко мне, мой родненький, без этого керосина приедешь? Он, керосин, хочь и вонюч, но без него ни тракторы, ни машины не ездют-то... И примус с керогазом не горят.

А я тебе, папка, сразу, с первых дней стала писать. Но, слегка брешу, сначала просто разговаривала с тобой. Каждый день, почитай. Правда. Мне сейчас врать не с руки: вот уж и свидимся вскорости. Почитай, чуток осталось...

Сейчас я валяюсь, как отработанная и никому не нужная машина, выработала всё... Всё!!! А передо мной наша с тобой фото. Папочка, ты же помнишь, как мы с мамочкой и с тобой фотографировались в городе? Помнишь? Я спала с этой фотографией, целовала её, то бишь, тебя, много дней. Измялась фотография... Мамка обнаружила, заругала меня. А ведь, она и права: нас с тобой теперь трудно различить на этом снимке. А другого нет. Нет! Нет! Папка, я с тех пор и не могу видеть-то тебя... Сама виновата, смяла последнее фото... Папулечку своего.

Детки и внуки приходили... Кололи, мать их ити! Пичкали пилюлями и микстурами противными. А зачем они мне. Зачем? Мне булок, пряников, конфет, печения принесли. Сладкие, пышные, дух дурманит. А не хочу я их. В горло не лезут. Мне жирной жареной свинины хочется и пивка холодного... Только кто ж мне с этим грёбаным инфарктом осмелится всё это принести.

Папка, на второй год, как ты ушёл фашистов бить, я дома одна нередко сидела. Меня, малолетку, никуда с собой не брали. А на кухне, помнишь, ты стол сделал? Помнишь? У того стола были большие дверцы. Я на них каталась, пока никого дома не было. Как на карусельке: туда-сюда, туда-сюда. А ещё, от нечего делать, и от нечего кушать, я занимала себя переключиванием кастрюль, сковородок, казанков в этом пузатом столе. А, чё? Нормальная игра для маленькой девочки, оставленной на весь день в одну.

Письмо твоё мы всё с мамочкой ждали. Врагов солдатики наши прогнали чуть дальше от нас, да и я подросла. Меня в школу послали, буквы я быстро выучила, что бы тебе письмо на фронт написать. И писала-писала... Но... то клякса с пера соскочит. То листка чистого не смогла найти. Прости, папочка, мы же на старых газетах учились писать буквы и цифры... Листок чистый как мне найти?

А потом училка наша, заполняя классный журнал, спросила: кто мой папка. Я с гордостью сказала,

что фашистов бьёт, а та написала «пропал без вести». Врёт же она, папочка, как же ты мог пропасть, коль на войну пошёл добровольно. Врет же!!! Зараза! Хотя учительницы была не плохая и добрая, только ревела часто...

А, помнишь, папа, когда я в тот раз тебе писала, ну, когда в сознание приходила надясь. Про булочки, ватрушки, печения, пирожки... Сейчас задремала, и вспомнилось, как в то далёкое время, когда ты нас оставил навсегда, я, оставаясь одна дома, как всегда каталась на дверце кухонного стола. Потом, вооружившись лоскутком, достала со стола всю посуду, протирала и складывала в стол её. И вдруг, как же я раньше-то не заметила? Как же? Там в уголке корочка хлебца затаилась. Запылилась, горемычная, пауки её заплели липкой нитью. Но, то же хлебушек родимый! Я на него дула, подолом обтирала аккуратно, дабы ни крошки не смахнуть. Потом нюхала, лизала и сосала эту желанную и душистую корочку настоящего хлеба. А когда она ослизла от долгого сосания, я её заворачивала в вишнёвый листок. Спустя некоторое время, когда моя дорогая корочка подсыхала, опять слегка посасывала, но осторожно, что бы совсем её не сломать. Однако... она вскорости пропала, сосалась... Что теперь те сдобные булочки и тортики? Корочку ту хочу, замусоленную.

Папулечка, прости меня, что тысячу раз принималась письмо тебе написать, но ни раз так и не написалось это проклятущее письмо-то. Сызмальства работа, потом детки, теперь внуки... Намедни правнучку приносили знакомить. Так та ж глазёнками вертела, даже не заревела. Вся на нас с тобой похожа: такая же наивная и бестолковая...

Папка, ты мой родимый. А коль написала бы я до конца письмецо тебе. А куда отправлять? Куда? Это я верю, что ты есть, а они решили, что «без вести пропал»... Пропал. Без вести. А на войну уходил с вестью али без вести таки шёл фашистов бить? Мамку и меня бросив, дабы пропасть без вести навсегда...

Всё чаще и дольше дрёма одолевает... Как в пропасть... Скорее бы уж... Встретимся с тобой, мой родной папочка. Только, прости меня, родименький, ты будешь молодой и красивый, как на измятом фото, с которым я спала в детстве, и которое и сейчас передо мной. А я явлюсь к папке своему вся старая бабулька, больная и дряхлая. Как же ты доченьку свою признаешь-то, папка ты мой родной?..

[Добавить комментарий](#)

Комментарии